

Иван ЛАЖЕЧНИКОВ

1792—1869

Русский писатель, один из творцов русского исторического романа Иван Иванович Лажечников родился в Коломне, в богатой купеческой семье. Рано пристрастившись к чтению, он знакомится сначала с русской, затем с французской и немецкой литературой, а вскоре и пробует собственные силы на поприще словесности. С 1807 года его сочинения появляются в «Вестнике Европы», в «Русском вестнике», в

«Аглае». Увлечённый патриотическим порывом, в 1812 году он вступил в русскую армию. В 1819 году вышел в отставку, а через год начал службу по министерству народного просвещения. С 1826 по 1838 год он пишет исторические романы: «Последний новик», «Ледяной дом» и «Басурман». С 1842 года служит сначала тверским, затем витебским вице-губернатором, а в 1856—1858 годах — цензором Петербургского цензурного комитета. Пробует писать трагедии и комедии. Интерес представляют его автобиографические и мемуарные очерки: «Знакомство моё с Пушкиным», «Заметки для биографии В. Белинского» и др. Последние романы писателя, «Немного лет назад» (1862) и «Внучка панцирного боярина» (1868), свидетельствовали о закате его таланта и о консервативности. Временем наивысшего творческого его подъёма остались 1830-е годы, а лучшим произведением — «Ледяной дом», роман, который А. Григорьев считал «полнейшим выражением русского романтизма».

КОЛДУН НА СУХАРЕВОЙ БАШНЕ

Отрывок из романа

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

от князя Ивана Алексеевича Долгорукого к статскому советнику Финку, от 20-го июня 1726 г., из Петербурга в Москву.

Осечка, жестокая осечка, любезный друг! Что ж делать? первую песенку зардевшись поют. Впрочем, старые наши певцы, из которых, признаться, многие спадают уж с голосов, не могут пожаловаться, что мой 15-летний дискант расстраивал их хор. Дядя Василий Лукич целовал меня в лоб и сказал, что я поддержку нашу фамилию; батюшка, по обыкновению, раскаивается, охает и между тем не бранит меня — пуще всего доволен, что не было денежных затрат на мои затеи; прочая братия, смиренно потупив очи (при дворе) и облизываясь, как старый

кот, ожегшийся на добыче, сказала мне, однако ж, даже позадушевному «спасибо». Сам Остерман — этот старый рыбак, который любит ловить рыбу в мутной воде, — смотря издали с берега, как мы запускали невод, бросил на меня свои лисьи взгляды одобрения. Он, и после неудачи, сделался особенно ко мне внимателен. О! да этот человек видит, что по смерти императрицы надо будет искать во мне...

Заговор был прекрасно устроен, время выбрано самое удобное: мы воспользовались отсутствием Меншикова в Курляндию, куда он ездил выпрашивать себе герцогство. Но он обжёгся на этом пироге, а мы — на закуске, ему приготовленной. Герцог голштинский, по настоянию Бассевича, на беду свою — припомните моё слово — выхлопотал ему прощение. Это безрассудное ходатайство и чувство благодарности за старые семейные заслуги превозмогли наши успехи в сердце доброй государыни.

По крайней мере, вы, любезнейший статский советник и мой собственный тайный советник, не можете сетовать на меня, что я худо понял ваши уроки. Право, ученичок и друг достоин вас. История скажет, что я, шестнадцатилетний мальчик, был одним из главных действующих лиц в заговоре против — кого ж? Меншикова, которого боится вся Россия, опасается сам Остерман и ласкают иностранные государи. Попытка кончилась тем, что меня немножко пожурили, и я завтра же отправлюсь в чужие края. Нет худа без добра: хотя я с вами долго жил и учился в отечестве Лейбница и вашего любимого преобразователя, Лютера, всё-таки не мешает ещё поучиться. Не прежде увижу Россию, как тогда, когда увижу над ней царём внука Петра Великого и моего товарища детства, моего задушевного друга. О, тогда ожидайте перемен, и перемен больших. Россия! милое отечество! ты будешь счастлива...

Тогда и вы, любезнейший наставник, постучитесь у моего сердца: будьте благонадежны, что в нём найдёте отголосок на всё доброе и высокое. По вашим советам переймём что-нибудь от шведов, которых вы так хорошо знаете. Тогда Боже сохрани вас сказать, что они живут счастливее нас, русских: мы до этого нареkania вас не допустим.

Если увидите у нас в доме дедушку Божедома, то скажите ему хоть через сестру мою — с вами сношений он не захочет

иметь, — что я еду в басурманщину поневоле, что я там скоромного в пост есть не буду, папских туфель не поцелую и антихристу не поклонюсь, если он и народится. Вот человек, который с вами составляет настоящую янусову фигуру: вы смотрите всё вперёд, а он всё назад; вы тянете меня voraus¹, а он тянет на попятный двор. Он хотел бы не только меня — все народы загнать в леса да заставить их читать одну Четью-Минею. А над этими народами, наверно, поставил бы царицей свою Евдокию Фёдоровну, первым министром сделал бы какого-нибудь закоснелого старообрядца. Утешьте старика и скажите ему, что я помню его советы: последнее моё действие против заклятого врага его, Меншикова, это доказывает. Прибавьте, что здесь об уничтожении Божиих домов и помину нет. Ему немного остаётся жить: зачем же его тревожить? Время и народы, как вы говорите, идут вперёд; а для этих отсталых и настоящее, и будущее — всё в прошедшем.

Что делает наш астролог, магик, алхимик или просто колдун, как называет его народ? Окончит ли он свой календарь с пророчеством на сто лет? Мёрзнет ли по-прежнему на Сухаревой башне, гоняясь за звёздами? Жарится ли в своей кузнице, стряпая золото и снадобье вечной жизни? При свидании доброму учёному чудаку мой низкий поклон. Я много люблю и уважаю его: он знает меня лучше других — не он ли пророчил мне высокую будущность?

Ещё одно поручение и — самое важное. Передайте как можно осторожней графине Шереметевой Наталье Борисовне, что есть человек, который за тысячи вёрст, при чужих дворах, под впечатлением путевых изменений, беспрестанно новых, не перестаёт... Нет, нет, не говорите ей ничего обо мне. Боюсь, чтобы эта гордая, возвышенная душа не оскорбилась вашими словами, как бы осторожно вы их ни сказали. Пускай заочно, мысленно, сердечно, повторю ей то, что хотел вам передать. Только думать об ней, думать о получении её руки — вот что мне теперь остаётся. И почему ж не сбыться этим мечтам?.. Разве я не значу что-нибудь в империи?.. А со временем, и может быть скоро, любимец государев, в обер-камергерском мундире — голубая лента через плечо... невеста — чудо-преlestь! Завидная парочка!

¹ Вперёд (нем.). Здесь и далее переводы К. Н. Кияткиной.

Но — губернёр мой простонал над моим ухом: in Gottes Namen voraus². При слове voraus повинуюсь. Говорю с глубоким вздохом: простите, прижимаю вас к своему сердцу, в которое бросили вы столько любви к прекрасному.

Ваш первый друг и преданный ученик
князь Ив. Долгорукий.

ВТОРОЕ ПИСЬМО

от того же к тому же из Петербурга, от 10-го мая 1727.

Получаю в Иене секретную записочку от батюшки, что мне надо как можно скорее назад; лечу на крыльях нетерпения, приезжаю в Петербург и не застаю императрицы в живых.

Народ оплакивает мать свою.

Посылаю вам копию с её завещания. Из него увидите, что князь Меншиков опять первенствует в империи и готовит себя в тестя императору Петру II. Однако ж Бог не без милостей... Государь так мне обрадовался, увидав меня, что бросился меня обнимать со слезами на глазах. Часу не растаеть со мной. Многие поздравляют меня его фаворитом: я это знал наперёд... Но временщик ничего не хочет видеть и слышать, кроме своих выгод. Пускай ещё более закружится у него голова, тем легче будет столкнуть его. А мы покуда постараемся вырыть яму пошире и поглубже.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО

от барона и вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана к отставному фельдцейхмейстеру графу Якову Виллимовичу Брюсу, из Петербурга в подмосковную Глинки, от 12-го сентября 1727.

Сколько дивных перемен совершилось в глазах наших, почтеннейший друг! Жизнь Петра Великого прошла перед нами — довольно и этого, чтобы сказать: «и мы жили». Чудное было тогда время. Видели мы много переворотов, но все они имели цель и последствия великие, все они клонились ко благу и славе России. А ныне что делается?.. Исполин пал; огромное

² Ради Бога, вперёд (нем.).

место, которое он занимал в мире, опустело; всякий, кто был ближе к нему, хочет занять это место и играть властителя; другой, третий — туда же, пока настоящий властитель не укрепился летами и рассудком и не спознал своего назначения. И все думают только о своих выгодах, ни у кого в сердце нет отечества; о завете Петра: «продолжать им начатое» — и помину нет. Господи! когда будет конец этим часовым, непризнанным повелителям — этим временщикам, как хорошо называют их русские?

Ты удивишься, любезный друг, когда я скажу, что был и Меншиков. Был? — спросишь ты и, верно, при этом слове протрёшь очки, чтобы разглядеть хорошенько, так ли прочёл его. Да, Меншикова уже нет!.. Может статься, когда будешь читать эти строки, изгнанника, лишённого чести и достоинства, везут через Москву в бедной кибитке. Пожалеешь и его, как подумаешь, кто его заменяет. По крайней мере, он был с великими заслугами Петру и отечеству, имел великий ум, испытанное мужество; а теперь его наследники... и подумать-то страшно, что за люди! Ты изумишься ещё более, когда прибавлю, что колосс этот свалил шестнадцатилетний мальчик — князь Иван Алексеевич Долгорукий, который, бывало, лет за шесть тому назад, чистил тебе за обедом любимые твои раковые ножки. Зная его нетерпеливый, пылкий характер, ты видел в том угождении особенную к тебе любовь. А я видел — признаки честолюбия: вспомни, ты как-то предвещал ему, вместе с сестрою, великую будущность. Да, этот мальчик совершил нынешний переворот, которого не могли произвести мужи, испытанные в делах политических. На престоле дитя, умное, доброе, подающее великие надежды, но имеющее нужду в испытанном, хорошем советнике; тётка Елисавета — дитя характером; сестра Наталия хотя и превышает их всех умом и духом, всё ещё не вышла из детского круга, а я, не гадая, подобно тем, на звёздах, предсказываю на несколько лет царство детей... Страшусь не без причины за творения Петра Великого. Ты знаешь отца и дядю маленького фаворита; не великие по душевным качествам, они захватили бразды правления. Можно судить, куда эти возникшие умчат колесницу России, если скоро не успеют сами сломить себе шею. Вместе с ними партия староверов, под щитом нелюбимой первой

Петровой супруги, поднимает уже голову и вопиёт об уничтожении всего нового, основанного Великим; с другой стороны, испуганные поклонники новизны, в том числе и воспитатель маленького фаворита, наш приятель Финк, не принимая в рассуждение ни времени, ни нравов народа, хотят разом выкроить народ русский по образцу иностранному. Ох, ох, страшусь за создание великого царя!

Но, любезный друг, мы, которые были первые исполнители гигантских помыслов Петра, мы, которым поверял он, как друзьям, все любимые, задушевные думы, которым завещал, если не закончить, по крайней мере, поддержать его создание и передать, сколько можно, в целости это наследие; мы, душеприказчики его, его дети, служители, обязанные ему всем, чем только пользуемся в свете, — мы должны в нынешнее время не ограничиваться одними сетованиями и сожалениями. Действовать по совести и разумению пламенно, усердно, но осторожно — вот наша обязанность. Девизом нашим да будут слова Спасителя: «будьте добры, яко голуби, и мудры, яко змии». Остановить на первых порах бестолковые попытки староевров, ограничить безумные желания нововводителей, не давать ни одной партии честолюбцев возвышаться на счёт России и руководить юного государя ко благу вверенного ему народа, — вот подвиг, который нам предстоит. «Нелёгкая обязанность», скажешь ты, «когда царю только 15 лет». Что ж делать? исполним свой долг, а там буди воля Провидения! Пускай нашу партию называют немецкою — она самая просвещённая, самая благонамеренная и пригодная для России в нынешнее время. Мы, может быть, лучше коренных русских жителей России понимаем пользы её.

В скором времени двор отправляется в древнюю резиденцию царей на коронацию. Ты должен оставить своё уединение и явиться в Москву. Не извиняйся отставкой: для истинных сынов отечества нет отставки; служение их продолжается до гроба. Не говорю, чтобы ты должен был, в твои лета, принять должность при новом дворе, чтобы ты каждый день напяливал мундир на свои старые плечи и играл роль дневального придворного; нет, эта служба не по тебе. Но ты можешь служить иначе: советом, внушениями, связями, кабалистикой... Твоё таинственное влияние на народ может умы и мнения

расположить в нашу пользу, ты можешь и судьбу подговорить в наш заговор. Ты всемогущ не только на земле, но и на небе. Чего стоит тебе иногда, для пользы общественной, переставить одну звёздочку на место другой! Мы восстановим своих девять, устроим по-прежнему, как в бывалые дни Петров, свой совет на Сухаревой башне, не многочисленный, но избранный, бескорыстный, с одною целью поддержать создание великого преобразователя России. Ты должен явиться, или да будет тебе стыдно в будущем мире перед лицом бессмертного царя и нашего отца и благодетеля.

На днях отправляется в Москву мать фаворита с дочерью своей. Ты любим в семействе; ты отец крёстный княжны и брата её, ныне столь могущего... к тебе имеют они большую доверенность и уважение.

Меншиков обручил было дочь свою на царство; боюсь, чтоб этого не домогался и отец Долгорукий... На всякий случай я сблизил с домом фаворита чиновника при нынешнем цесарском посольстве, графа Мезило. Богат, знатен, красавец, он понравился матери и умел пленить сердце княжны Екатерины. Мать нечестолюбива; для 15-летней девицы молодой, ловкий, красивый гусар привлекательнее мальчика, хотя бы и... Не смейся, любезный друг! тут нет ничего смешного. В политике и любви игрушки много значат.

По случаю падения Меншикова ты имел право беспокоиться насчёт его крестника и твоего племянника. Горячий молодой человек, в порыве благородного чувства, поговорил слишком смело в защиту своего крёстного отца и за это пострадал... Я поспешил испросить ему прощение. Александру твоему велено покуда жить под караулом... и стражем его будет дядя. Постараюсь сократить и это наказание: неугомонная натура эта не стерпит этого и нравственных цепей.

Жду с нетерпением минуты, когда и я обниму тебя.

ЧЕТВЁРТОЕ ПИСЬМО

*от княгини Долгорукой к сыну её Ивану Алексеевичу, от...
1728 г., из Москвы в Петербург.*

Друг мой, Ивашенька, благодарение Богу, мы благополучно приехали в Москву, успели уж съездить в Горенки да и

назад воротиться. Всё хлопочу, как бы отделать дом к коронации: без отца твоего плохо; сам посуди, не женское дело. Боясь, не дорого б стало; ты знаешь, как отец за каждую лишнюю копейку гневается.

В прошлое воскресенье, в самый заутренний звон, мамка твоя Домна отдала Богу душу; в последнее время ходила сгорбившись крюком и плохо видела, а всё по хозяйству прибирала. Об тебе помнила при конце своём. Похоронили мы её с честью в Горенках.

Нынче у нас уродилось много грибов; старики не запомнят такого года, говорят, к войне.

Привезли ко мне из степной отчины диковинную карлицу, всего аршин с вершком; хотим выдать за гайдука Павлушчу. Уморительная будет парочка!

Мадам наша отошла к Шереметеву: говорит, хотя и там учить некого, да привыкла к дому; к тому ж у Натальи Борисовны нету теперь ни отца, ни матери, так буду беречь её, как дочь; хочу при ней и умереть. Жаль, мадам была такая добрая и разумная. Катя много плакала при расставанье.

Что писать мне ещё, сердце моё, Ивашенька? Буди над тобою благословение Божие на все часы, дни и ночи и на все дни живота твоего. Милостям царским радуйся, но не кичись ими. Не бери примера с подлых людей, которые вышли в знать и фавориты, да забыли, что они на свете такие же человеки, как и другие: за то Бог и наказал их. Помни свой род, будь милостив ко всем, нищую братью не забывай. За то Господь не оставит тебя в сей жизни и другой. Целую тебя.

Мать твоя и проч.